

Виктор Слипенчук

Виктор Трифионович Слипенчук, известный советский и российский писатель, давно и плодотворно сотрудничает с еженедельником «Аргументы недели». Рассказы, поэмы и отрывки его повестей и романов регулярно публикуются на наших страницах. Волны изданных произведений писателя достигли Западной Европы, Китая, Японии, Монголии и других стран, где интерес к его творчеству постоянно растёт.

Сегодня на страницах еженедельника новый рассказ Виктора Слипенчука. Удивительно яркое, доброе и жизнеутверждающее повествование о послевоенных детишках. Трудности страны не сделали их первые годы жизни менее яркими и ослепительно прекрасными, чем у нынешних подростков и первоклашек.

В конце октября в Центральном доме литераторов в Москве пройдёт встреча Виктора Трифионовича с читателями. Там и обсудим публикуемый ниже рассказ и всё творчество нашего постоянного автора.

Рассказ

В ДЕТСАДЕ меня перевели в подготовительную группу, и я часто оставался дома. Я придумывал себе всякие новые работы, которые бы убедили моих старших братьев, что я уже большой и от меня не надо уходить, как от маленького. Но они убежали. Я давно заметил, что для всех, кого считают маленьким, пройти в большие очень трудно, и это прибавляло сил.

Я уже считал до ста, и у меня уже были неоспоримые успехи по букварю, который достался от Эдьки. Он перешёл во второй класс. Вовка, самый старший брат, подарил мне новую тетрадь по арифметике. Это был очень ценный подарок, таких тетрадей, разлинованных в клеточку, не было даже у Эдьки.

Но главное — на обратной стороне обложки была таблица умножения, и я запомнил её так, что, когда Вовка немножко подзабыл, сколько будет семью восемь, я подсказал, что будет пятьдесят шесть. Вовка похвалил меня, но вмешался Эдька.

— Пусть никто не думает, что наш Валерка очень умный, — он на память берёт. А на самом деле не знает, почему получается пятьдесят шесть.

— А ты знаешь? — спросил Вовка.

— Давно знаю, — сказал Эдька. — Если восемь палочек на низке, а низок семь штук и вы сложите их в кучку, а потом палочки пересчитаете — один, два, три, четыре... получится ровно пятьдесят шесть.

Эдька был прав, я не знал, почему получается пятьдесят шесть. А теперь, когда узнал, мне стало обидно за себя, потому что ещё в прошлом году, когда он из венника нарезал палочки и нанизывал их на жилку от лески, я сказал ему:

— Эдик, зачем ты палочки нанизываешь — они же не пескари, которых мы ловим наволочкой?

— Для своего понимания, — очень недовольно ответил Эдька, потому что отвлек его.

И я сразу же позабыл о его палочках, а теперь вспомнил и, не зная, что ответить, молчал. И тогда Вовка, как очень умного, спросил Эдьку, а не меня:

— Ты, наверное, знаешь, почему наш Валерка такой?

Очень обидно было слушать

их разговор. Они разговаривали так, как будто я был совсем маленьким и не понимал, что они разговаривают обо мне.

— Да, знаю, — сказал Эдька. — И знаю об этом даже раньше, чем Валерка выучил таблицу умножения.

Эдька посмотрел на меня, и Вовка тоже посмотрел. Они посмотрели на меня не как обычно, а с таким значением, будто я был не я, а кто-нибудь большой, взглянувший к нам с улицы. Я напрягся. Кулаки сами сжались. Я выпрямился, готовый услышать всё что угодно.

— Он потому такой, что задумал таким способом пробраться в большие, — сказал Эдька.

Я обомлел. Я ожидал всего, но не ожидал, что Эдька разоблачит меня.

— Почему ты знаешь, что это так?

— Потому что знаю — посмотрю, какой он бледный, это потому, что его раскусили, а сам он ни за что не признается.

— Ну ладно тебе, — сказал Вовка примирительно, а на меня смотреть не стал. Потому что Вовка умнее нас с Эдькой, даже если нас взять вместе.

Вовка перешёл в шестой класс, ему осталось два года, чтобы окончить семилетку, а дальше он может пойти учиться в любое ремесленное училище. Но он не пойдёт в ремесленное училище. Он поедет в город Владивосток и поступит в школу юнг. А потом поминайте как звали! — так он сам говорит. Вовка на все сто процентов большой.

— Хорошо, если ты давно про Валерку всё знаешь — почему не останавливаешь его, когда он делает твою работу? Он за тебя выгоняет и загоняет овец, а иногда ты даже сам просишь его сбегать за огородами и пригнать нашу стельную Розку поближе к дому.

Теперь мы с Вовкой посмотрели на Эдьку. Он был красным, будто набегался и сгорел от солнца.

Я сразу отвёл глаза в сторону, потому что теперь знал не хуже Эдьки: когда я делаю его работу, он в это время перехватывает Вовкину — чистит в сарае стойла скота или носит воду в бочку для коровы.

В прошлом году Эдька только пальчиками доставал до железной ручки барабана на ко-

лодце, да и то когда привставал на цыпочки. В тот раз Эдька не рассчитал силы, набрал полное ведро воды, а ручка вырвалась из рук. Он не успел отскочить, и крутящаяся ручка своим концом долбанула Эдьку чуть выше лба. Как хищная птица, вырвала клок волос с мясом, но в самую кость не попала, скользком прошла. А то бы он потерял сознание и, наверное, умер от потери крови. Мы с Вовкой тогда сильно переживали за Эдьку. Вовка даже в сердцах крикнул:

— Эдька! Ну зачем ты полез делать чужую работу?!

Работа была Вовкина. Я тоже не понимал, зачем он полез. А теперь понял и стал смотреть в сторону.

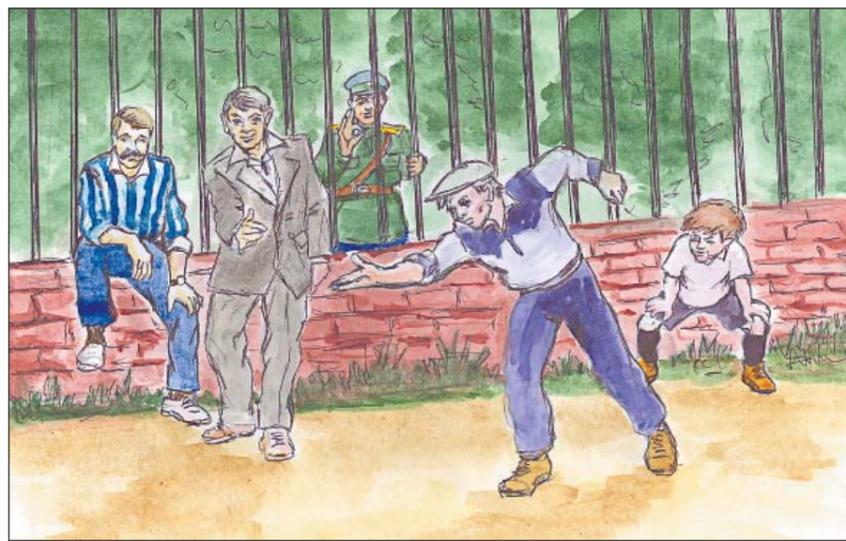
— Я его не останавливаю, потому что он должен сам понять, что от меня ничего не зависит. Наоборот, я ему уступаю свою работу, как большому, но никто из взрослых с этим не считается.

— Ты в пример берёшь себя. Из-за того, что ты родился в октябре и тебя по метрике не взяли в школу.

— Да, не взяли, и я пошёл позже. А я пусть хуже Валерки читал по слогам, зато считал не до ста, а до тысячи.

— Но у Валерки зорор между первым сентябрю и днём рождения на десять дней меньше, чем у тебя.

— Тем обиднее будет, — сказал Эдька.

Они разговаривали обо мне без моего участия, но теперь разговор не обижал меня. Вовка сказал, что всё-таки бывают случаи, когда смотрят не в метрику, а на умение и смекалку. И к этому надо быть готовым. Может быть, и нашему Валерке подвернётся случай, а пока, как стемнеет, возьмём его с собой в летний клуб.

Я убежал на сеновал и со всего маху плюхнулся головой в сено. Радость переполняла меня. Она просто бурлила во мне. Сегодня меня, как большого, возьмут в летний клуб! Там у солдат каждый день кино. И меня возьмут, возьмут, как большого! И не будут убегать от меня, и мы втроём, как стемнеет, побегим, как на крыльях, в летний клуб!

Благодарность к братьям мешала сосредоточиться. Мысли вскакивали в голову и перемешивались с другими, ещё более сладкими. Какой Эдька наш умный!.. Оказывается, он давно уже считает меня большим, по-

ЦВЕТНЫЕ

тому и посылает присмотреть за коровой. А я думал, что главное, что она стельная и может уйти к аэродрому, где хорошая трава. А Вовка наш!.. Братьев умнее, чем он, не бывает!

Постепенно я стал успокаиваться и обдумывать разговор. Вовка сказал, что бывают случаи и надо быть готовым, когда он подвернётся. Вовка имеет полное право так сказать. Он был готов и показал военным лётчикам свою меткость. Играя в чики, он всегда попадает битой в столбик монет. И лётчики прозвали его Асом. Но как распознать слу-

меже сочная — пырей с молочаем вперемежку с клевером. Попробовала и позабыла обо мне.

Открыл букварь, опять закрыл — я его наизусть знаю. Открыл таблицу умножения, проверил себя — ни разу не сбился.

Побежал к Эдьке, он как раз ведро воды нёс. Рассказал про корову. Эдька похвалил и подсказал, что у плетня колхозного сада, если серпом, можно нажать травы целый воз, жаль, оттуда далеко тащить. Я спросил о Вовке, и Эдька сказал, что Вовка в пристройке копилку открывает.

— Завтра приезжает на каникулы Райка, и мы хотим купить ей любимых конфет.

Это была новость, я чуть не спросил — разве бывают конфеты другие? Конфеты — все любимые, потому что сладкие. Но потом вспомнил, что я большой, — промолчал. И Эдька сам сказал, что её любимые конфеты шоколадные. И они купят их сестре не потому, что много ей чести, а потому что она обещала Вовке разузнать в городе всё про школу юнг.

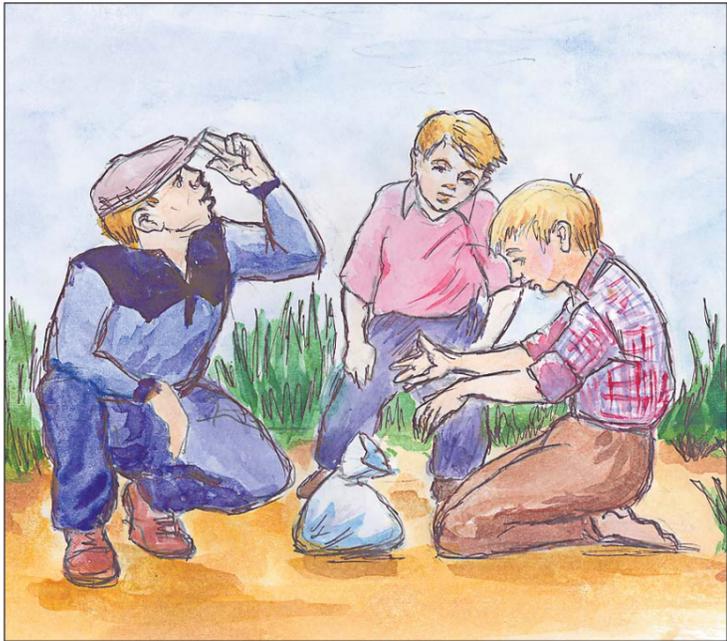
— Наверное, Вовка хочет задобрить её конфетами, — сказал я. — Но она всё равно ничего разузнавать не будет. Райка даже не вспомнит про школу юнг, потому что школа юнг её не интересует.

— Вот поэтому мы и купим ей шоколадных конфет, которые она любит.

Я был озадачен. Это было какое-то новое для меня понимание всего, что я давно и хорошо знаю. Конечно, это Вовкино понимание, но Эдька уже подобрался к нему вплотную. Говорит — мы! Может быть, Эдька как-нибудь проговорится, и я пойму Вовкино понимание. Но спрашивать не буду, решил я, пусть хотя бы для Эдьки останётся большим.

— Понимаешь, Валера, тут надо смотреть дальше, как в шахматах, — сказал Эдька мне, как маленькому, но я не обиделся, новое понимание превратило меня в слух. — Дело в том, что если Райка позабыла про школу юнг, то в другой раз, когда вспо-

КАРАНДАШИ

мнит про любимые конфеты, тут же вспомнит и про школу — и всё разумеет. Конфеты — это узелок на память.

— А если она нарочно ничего узнавать не будет — побоится, что Вовка убежит из дому?

— Тогда конфеты её выдают, и мы поймём, что она нарочно ничего не узнаёт, и найдём какой-нибудь другой способ, чтобы всё разузнать.

— Эдик, — сказал я. — Скажи, только честно, как распознать, что подвернулся твой случай?

— А-а, ты вот о чём, — нехотя сказал Эдка, ему хотелось говорить о Вовке, Райке, о конфетах. Он даже ведро с водой оставил, а теперь поднял его, встал на чурбачок и одним махом опрокинул в бочку.

— Знаешь, братка... — сказал Эдка, прыгивая с чурбачка.

Я почувствовал, что сейчас он скажет всю правду, какую знает. Выплеснет до самого доньшка.

— В прошлом году, когда меня приняли в первый класс, приходил сын директора школы с метрикой, у него, правда, затор три месяца, — не приняли. Только по этой осени пойдёт. Я в позапрошлом году думал, что это был мой случай, и если бы отец сходил и попросил директора школы, то меня бы приняли. А сейчас точно знаю: нет семи лет — разговор закончен. Никто и за тебя просить не пойдёт, запомни — и не рассчитывай.

— А как же случай... например, какой-нибудь другой — как его распознать?

— Тебя интересует школа, ты через школу хочешь сравняться со всеми. Раз — и ты для всех уже большой.

Эдка опять заскочил на чурбачок и утопил пустое ведро в бочке. Но не до конца, а так, чтобы оно плавало.

— За другой случай не беспокойся. Если думаешь о чём-то одном, как наш Вовка, то всегда распознаешь свой подвернувшийся случай, потому что вся твоя готовность подтолкнёт к нему.

Вышел Вовка с узелком мелочи. Эдка подбежал, попробовал на вес — килограммов пять будет! Нет, сказал Вовка, он кантором взвесил — где-то около трёх. Братья пошли в военторг, а я всё никак не мог отвлечься от разговора с Эдкой. Потому что Эдка

ка был прав — никакого другого случая мне не надо. Пойду в школу и сразу стану для всех, для всех большим.

Был полдень. Я сидел на крыльце в теничке. Солнце не двигалось. Братьев не было и не было. Наверное, попали на обеденный перерыв. Пришла Розка. Рогом подцепила отставшие ворота и, отодвинув, вошла во двор, прямиком идя к бочке. Я замешкался. Пока открыл калитку возле сарая, пока разобрался с Джеком, вылезшим из конуры, Розка, недовольно фыркнув, хлестнула своим грязным хвостом прямо по лицу. Я отскочил, соображая, как помочь ей, — ведро в бочке мешало, не давало попить. Но Розка не стала ждать, ушла в сарай.

Вытаскивая ведро, невольно жмурился. Колеблющееся солнце, дробясь на кусочки, слепило глаза. Эдка не до краёв наполнил бочку, и, хотя она стояла с наклоном, не хватало ещё ведра три, чтобы вода пролилась.

Меня вдруг аж подбросило от мысли, что эти три ведра мои — я смогу сам набрать их в колодец, благо он за нашим забором. Я посмотрел на солнце, которое стояло в мёртвой точке, — успею, кровь из носа, а надо успеть до прихода братьев. И только я умылся, готовый приступить к работе, как все Элькины ухищрения вокруг колодца вдруг открылись мне, словно я сам их придумал и уже опробовал.

Я перебрал через забор прямо к колодцу на шесть поленьев, а десять. Через ворота, которые отодвинула Розка, протаскил строительный трапик, установил на поленья. Принёс из летней кухни все имеющиеся ведра, кроме подойника — мама берегла его для Розки.

И вот когда я взял колодезное ведро с цепью, то отчётливо услышал Эдкин голос, так отчётливо, словно он стоял рядом:

«Двадцать оборотов барабана крутишь левой рукой с пустым ведром вниз, тросик сматывает-

ся до железной цепи, приваренной к барабану. Чуток ждёшь. В это время меняешь руку и сразу крутишь ручку барабана правой рукой, наматываешь тросик до другой цепи, на которой висит карабин и держит за дужку ведро с водой. Если всё сделаешь правильно — будет ровно полведра. А полведра даже ты, Валерка, вытащишь на сруб колодца. Главное — своё держи в уме. Тебя зовут, а ты не откликайся. Земля трясётся — землетрясение, а ты продолжай делать свою работу. Иначе — головой в колодец, и никто не найдёт. И никогда не торопись, всё происходит на последнем ведре.

Подсказываю, как обмануть последнее ведро. Ты подсчитал и точно знаешь — тебе в бочку надо восемь вёдер. Но ты говоришь себе твёрдо — нет, мне надо десять вёдер. Два ведра воды пойдут в корыто для гусей и овец. Хотя корыто давно наполнено. Просто так ты готовишь в себе силы на десять вёдер, потому что здесь другая арифметика. И с ней не поспоришь. Чуть-чуть не хватило сил — и головой сам знаешь куда. Здесь «чуть-чуть по-русски не считается». А

вот когда сверху прибавляешь — тут уже опять простая, обычная арифметика».

Десять раз набирал воды по полведра. И всё получалось, и никуда я не торопился. Немного радость подмывала, что всё у меня хорошо, и на одиннадцатый раз опустил ведро немного быстрее, чем обычно. Мне эти полведра даже не нужны были, просто так решил черпануть воды, на какую-нибудь добавку. Я весело крутил ручку левой рукой и, наверное, обсчитался.

Ведро бухнулось, цепь звякнула, такого раньше не было. Я даже от неожиданности вскрикнул: «Ой!» А оттуда, из колодца, кто-то ответил совсем не моим, а чужим голосом: «Стой!» Я не испугался. Но почувствовал, как кожа на голове отделяется, будто кто-то перебирает холодными шупальцами и стягивает её.

Я постоял. Провёл рукой по голове и успокоился. Легко стоять, когда ведро в колодце, и ты его ещё не вытащил из воды. А вот потом — хватит ли сил полное ведро поднять?! Эдка говорил, что если приспособиться и крутить ручку барабана двумя руками и помогать грудью, то даже пятилетний справится. Самое трудное будет потом вытащить

полное ведро на сруб и не улечь за ним.

«А потом будет суп с котом!» — так часто говорил наш Вовка, чтобы заранее никто не испугался перед новой работой. И у отца есть подходящая поговорка — «Глаза боятся, а руки делают».

Я взялся за ручку двумя руками и начал крутить барабан. Трос наматывался ровно и с каждым оборотом барабана всё больше и больше пододвигал ведро ко мне. Я бы его достал и как-нибудь вытащил. Но цепь всё испортила — словно на ухабах, её занесло на трос, и ведро пошло по центру, вдвинуло от меня. Вот оно, рядом — приехало. Приехало полнёхонькое, но взять его не могу — не дотянусь, не удержу барабан одной рукой.

И опять кто-то стал обшаривать меня холодными шупальцами. Если раньше я радовался, что в полдень улица пуста и братьев всё ещё нет, то теперь был бы рад, если бы кто-нибудь наконец появился и помог мне. Но братьев не было, а соседи приходят к колодцу только рано утром или вечером, когда спадёт жара.

Я ослабил руки и тяжесть ручки перенёс на грудь. Я хотел

пописать. Пусть ручка барабана ещё полежит на груди. Употребил смекалку».

Хотя я давно знал, что умение и смекалка рядом, сейчас ни что не приходило на ум. Вовка усмехнулся: «Сила есть — ума не надо! — И спросил не у меня, а у Эдки: — Если бы не вытаскивать ведро, то насколько бы хватило Валерке сил и дальше крутить барабан?» Я вмешался, сказал, что мог бы крутить барабан до самого солнца. «Тогда крути», — сказал Вовка, и я почувствовал в себе такую большую силу, что мне уже было всё нипочём. Потому что я уже знал: сейчас ведро упрётся в барабан и, накручиваясь на него, опрокинется и опорожнится.

Я изо всех сил, подтолкнув грудью, крутанул ручку вверх, а внизу двумя руками и всем телом задержал её. Я не смотрел на ведро, но по шуму, наполнившему колодец, понял: всё у меня получилось — ведро опростал до доньшка. Потом не торопясь сматывал цепь до троса и, подтягивая её к себе, заново наматывал на барабан. Пустое ведро очень близко подошло ко мне, и я легко вытащил его и поставил на сруб, где оно и стояло.

И трапик, и поленья, и ведра — всё вернул на место. И, только прибравшись, посмотрел на солнце, потому что братьев всё ещё не было. Солнце заметно отодвинулось от мёртвой точки, и я знал, что, помогая мне, оно задержалось, а теперь и оно вернулось на своё место.

Вылез из конуры Джек, с раздвинутыми от мух ушами, отряхнулся и, встав на корыто для овец, стал жадно лкать воду. Даже не лкать, а шумно хлебать, разбрызгивая её во все стороны. Потому что водичка была чистенькой, свеженькой, и он, чтобы досыта напиться, хлебал её не только языком, но и ушами, и всем телом.

— Джек, — сказал я. — Ты сидел в конуре и переживал, что я не сумею, а я сумел. Чтобы стать большим, надо понимать всё, что видишь, пониманием большого. — Но Джек не отвлеклся, он набирался сил для своей ночной работы: когда все уснут — он будет начеку.

Подумав о его работе, тут же вспомнил об овцах. Я нашёл их в овраге, они стояли кружком, уткнувшись голова в голову, и мне пришлось спуститься в овраг, чтобы по биркам определить, наши они или чужие. Выгонять из оврага не стал. Солнце всё ещё стояло высоко, но я как-то сразу почувствовал, что пора домой — братья уже дома.

Они стояли возле бочки. Вовка держал в руках узелок, почти такой же, как и прежде, но не с мелочью — через матерю проступали конфеты.

— Валерка! — сразу набросился на меня Эдка. — Ты что, захотел, чтобы и тебе досталось?! — Он показал на шрам чуть выше лба.

После всего, что произошло на последнем ведре, мне нечего было сказать.

— Эх, Валерка, ну как после этого тебя брать в летний?!

ЦВЕТНЫЕ

Окончание.
Начало на с. 20–21

Я ИСПУГАЛСЯ, что они не возьмут. И до того мне обидно стало, что слёзы сами побежали из глаз. И чтобы никто этого не заметил, я опустил голову.

— Ну ладно, Эдик, вспомни, что говорят военные лётчики, а они воюют в Корее по-настоящему: прав не прав, а победителей не судят!

— Может, за это ему ещё и конфету дать?! — совсем уже рассердился Эдька.

— Можно и дать, — сказал Вовка.

Эдька обиделся, потому что они сами ещё ни одной конфеты не пробовали. Он подошёл к бочке, ополоснул лицо и быстро-быстро пошёл за лентною кухню. Я тоже ополоснул и побежал за ним. Вовка окликнул нас. Мы с Эдькой разом остановились, и я сказал, что раз вы не пробовали — я тоже не буду.

— Иди хотя бы посмотри на них, и я скажу, почему не пробовали.

— Пусть вначале Эдька посмотрит, — сказал я.

Эдька поставил условие, чтобы я больше не подходил к колодцу. Я пообещал, что без разрешения — никогда.

— Ну, пока вы там рядитесь, кто, да что, да почему, я сам намотаю, а вам не дам.

Вовка опустил лицо в наволочку и стал восхищаться конфетами:

— Какие они красивые — «Ласточки»! С двойной обёрткой. А как вкусно пахнут! Сейчас возьму и съем их прямо с фантиками.

Потряхивая конфетами, Вовка, стал изображать, что он уже их ест.

— Ни одной не оставлю — все шестнадцать съем!

Нас с Эдькой это рассмешило, мы подбежали к Вовке, стали тянуть за майку, клянчили посмотреть, он обещал. Но Вовка так смешно отворачивал от нас лицо в наволочке и так потешно дрыгал ногой, чтобы мы отстали, словно и правда собирался их съесть.

— Поймите, это не конфеты, а настоящие птички-ласточки, чуть приоткрою наволочку — и они выпорхнут и улетят.

— Мы будем подпрыгивать и ловить их!..

Покатываясь и чуть не падая от смеха, обещали Вовке, но он отказывал нам и требовал, чтобы мы вели его в пристройку, там, закрыв дверь, он, может быть, даст посмотреть. И мы повели, торкаясь головой в его спину, и до того было весело, что Джек вылез из конуры и стал скулить, прося, чтобы и его взяли.

В пристройке первым окунул голову Эдька. Он сразу же объявил, что все птички-ласточка на месте, а когда поднял лицо, удивил, сказав, что точно знает — все шоколадные конфеты пахнут нашей Райкой.

— Это потому что она добрая, — пояснил Вовка. — Вот увидите, завтра она не возьмёт себе ни одной конфеты, а поровну разделит.

— И каждому достанется ровно по четыре птички, — вмешался Эдька.

Они с Вовкой потому и не пробовали, чтобы их не умень-

шилось, потому что когда чего-нибудь слишком мало, говорят: там делить нечего! А на медяки много не купишь, на медяки никто не покупает шоколадных конфет.

— Давай, Валерка, ныряй, — сказал Вовка. — Потом будем разговоры разговаривать.

Я нырнул. Сквозь прозрачность слюды с ласточками золотились обёртки из фольги. Они полыхали как жар. Это было настоящее сокровище, и оно предназначалось Райке.

— Какая наша Райка счастливая! Это не ласточки, когда они все вместе — это одна большая жар-птица! — восторженно сказал я.

— И этой жар-птицы никто бы сегодня не увидел, потому что в военторге детям колхозников ничего не продают, а только детям военных, — сообщил Эдька.

— Эдик, — позвал Вовка. — Подмоги, поддержи конфеты, я сейчас их подвешу под стропилой, чтобы мыши не съели.

Вовка мог бы справиться сам, но нарочно позвал Эдьку, чтобы он не рассказывал, как им уда-

бором напротив экрана. Но что хорошо — вход в неё с улицы, по ступенчатой лестнице. С этих верхних ступенек видна большая часть экрана. Старшина-кинотеатник (все пацаны зовут его дядя Боря) разрешает с лестницы смотреть только тем, кто помогает ему затаскивать банки с кинолентами. Остальным нельзя, лестница может не выдержать.

Мы пришли как раз вовремя. Подъехал «Доджик» с открытым кузовом, подъез из Дома офицеров железные банки с кинолен-

тацией. Сегодня Ас без очереди, сегодня в Доме офицеров его меткость и выдержку в пример ставили.

Оказывается, один молодой лётчик, который играл с Вовкой в чику, на вопрос военного корреспондента, откуда у него в бою такая меткость и выдержка, сказал, что берёт пример с Аса, его действия держит в уме. Все думали, ас — это лётчик, настоящий ас из асов Иван Кожедуб, тоже воюющий в Корее, а это наш Вовка. Смешно получилось

и очень радостно для нас с Эдькой. Теперь у Вовки слава аса на весь гарнизон. Когда мы таскали банки, я собственными ушами слышал, как гарнизонские пацаны восхищались Вовкой — с закрытыми глазами с лёту попадает в чику. А этот меньшой, его братка, смотри, маленький, а как ловко шустрит на лестнице. Они все — маленькие, да удаленькие.

Дядя Боря разрешил Вовке смотреть «Подвиг разведчика» через окошко в кинобудке. Мы тоже могли смотреть с лестницы, но Эдька не захотел.

— Сегодня Вовкин случай, пусть вся жар-птица ему достанется. Мы с тобой будем смотреть через шелку. Если не придёт Саня с Украинской улицы, то займёшь его шелку, она рядом.

Саня пришёл с чурбачком. Сообщил, что у входа в кино клуб целая рота солдат и вооружённые патрули, наверное, гонять будут. Эдька сказал обо мне — братка! И Саня мне, как большому, подал руку. Потом мы с Эдькой побежали к бывшим окопам зенитчиков и в бурьяне нашли его чурбачок.

Когда возвратились, возле ограды стояло множество чурбачков, но пацаны стайками стояли в отдалении, некоторые курили. На площадку вышел Вовка, увидел нас, сказал, что сейчас начнётся, и обратно ушёл в будку. Подбежало несколько пацанов — что сказал Ас? Эдька устанавливал чурбачок, а я промолчал, чтобы не лезть не в своё дело. И Санька воспользовался, сразу присвоил себе нашего Вовку:

— Он мне сказал, что сейчас начнётся!

лось поймать жар-птицу. Но я всё равно узнал.

Вечером, когда пришла с работы мама и увидела, что все работы по дому сделаны, и отпустила всех нас в солдатский летний клуб, — мы решили идти туда сразу, потому что теперь братьям не надо было дожидаться, когда я усну, и крадучись убежать от меня, как от маленького.

Солдатский летний клуб — это большой-большой и высокий забор: и спереди, и сзади, и по бокам. Калитка возле экрана. Если бы Эдька встал на плечи Вовке, то и тогда бы, наверное, не дотянулся до самого верха. И что плохо — доски так плотно сбиты одна к одной, что между ними почти нет щелочек. Экран выглядывает из-за забора, но не сильно: бегают какие-то тени — не поймёшь. Кинобудка, как избушка на курьих ножках, стоит на столбах, нависает над за-

тами. Дядя Боря вышел на площадку и увидел нас.

— Давай, Ас, быстрее — к машине! На твоё окошко в будке уже несколько претендентов... Ну что, в военторге дали конфет?!

Вовка согласно кивнул, а Эдька сказал, что лётчики заступились.

— А вы отказались.

— Мы не отказались, мы стояли в очереди со своими деньгами, — поправил Вовка.

И Эдька с Вовкиным пониманием случившегося в военторге объяснил:

— Потому что мы хотя и колхозники, но мы не попрошайки и нам чужого не надо.

— Ладно-ладно, грамотеи, — добродушно оборвал дядя Боря. — Быстрее к машине, сегодня — «Подвиг разведчика».

Он крикнул ораве больших пацанов, готовых таскать банки в кинобудку, чтобы отошли

Я точно знал, что Вовка сказал нам с Эдькой, но не обиделся. Кто-то крикнул: «По коням!» — и волна пацанов хлынула к забору, и все стали вскакивать на чурбачки, словно на своих коней. Погасла электрическая лампочка над кинобудкой. Громко заиграло радио над головой? Эдька подал мне пруттик, которым прикрывал шель в заборе, чтобы спрятал его под резинкой трусов, и предупредил, что смотреть с чурбачка будем попеременно. Санька сказал, что и он будет давать смотреть, но я отказался. Потому что кино для меня началось сразу, как только мы вышли за калитку дома и все втрём побежали в солдатский летний клуб.

В трёх шагах от Саньки стоял такой же пацан, как я. Он подошёл и подал мне руку — Колька. Я ответил — Валерка. Он спросил: «В первый раз здесь?» Оказалось, что мы оба новички. Потом он спросил, пил ли я когда-нибудь берёзовый сок. «Много раз, пил». Тогда он сказал, что все прилипли к шелкам, как будто пьют берёзовый сок!

— Как майские жуки?!

— Как майские жуки, — согласился Колька, и до того нам стало смешно и весело, что на нас прикрикнули.

— Ты, Колька, наверное, скоро пойдёшь в школу? — спросил я.

— В этом году. Мне в конце июня стукнуло семь лет. А тебе? — Мне стукнет в конце сентября.

— Тебя, Валерка, могут не взять.

— Ничего, бывают случаи, — сказал я.

Колька ничего не ответил, его позвал старший брат, который потребовал, чтобы он далеко не отходил.

В ту ночь я спал как убитый. Когда проснулся, братьев не было. Кинулся в пристройку — и там было пусто. Вбежал в дом.

Братья сидели на лавке спиной к двери — я сел с ними рядом. На столе горкой лежали конфеты, дверь в комнату была открытой.

Райка вышла с оранжевым ридикюлем и в чёрненькой шляпке с сеточкой, ниспадающей на лицо, которую она надевала для своей красоты, что она городская.

— О, все в сборе, — сказала Райка, увидев меня. — А это что?!

Она посмотрела на конфеты, и Эдька толкнул меня локтем в бок. Он всегда так делал, когда за всех надо было ответить мне. Я соскочил с лавки.

— Рая, эту шоколадную жар-птицу мы дарим тебе просто так.

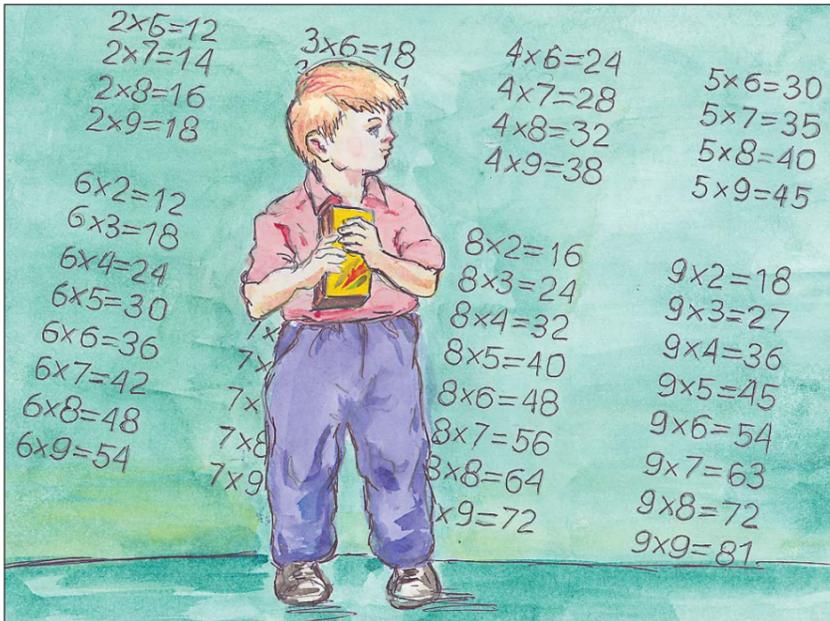
Я хотел ещё сказать, чтобы она не думала, что мы хотим её задобрить. Но Эдька меня стукнул по ноге, и я опять сел на лавку.

Райка хмыкнула — «просто так!» И, поставив ридикюль на стол, наклонилась над конфетами и разделила их поровну на четыре кучки. Мы засмеялись, потому что заранее знали, что наша Райка добрая.

— Напрасно смеётесь, — поддвинув ридикюль, она встала в полный рост. — Володя, я узнала про школу юнг, но ничего не скажу — тебе рано всё знать.

Вовка поднял голову и, глядя в проём на кухню, сказал:

КАРАНДАШИ

— Ты разговариваешь так, будто ты — наша мама. Но ты — не мама.

— Наша мама никогда не была городской, — подал голос Эдька. — А ты что скажешь?!

Я попросил Раю, чтобы всё, что она знает про школу юнг, рассказала нам, — если, конечно, она там была и всё-всё разузнала? Рая рассердилась, что так далеко мы забрели и совсем не туда. Она открыла ридикюль, похожий на солнце и на её волосы, и положила на стол самый настоящий морской ремень с якорем на бляхе. Скрученный, как пружина, он, как живой, отодвинул в сторону все наши конфеты, он был весь как новое понимание ещё не известной мне жизни.

— Не хотите как мама — как старшая сестра скажу: была я у завуча школы. Он ремень дал и сказал: «На обратной стороне бляхи выбит адрес школы — Владивосток, 1-я Речка. Если твой брат придет с нашим ремнём, — Райка засмеялась, — хорошенько выпорем его, но сразу выдадим рабочую форму и поставим на довольство». У них из колхозников много беспризорных, сбжавших из дому, потому что справки из сельсовета на поступление дают только отличникам.

Райка вдруг заплакала, стала сеточкой вытирать глаза, городская шляпка съехала набок.

— Ну что мы им сделали, всюду нас обзывают колхозниками, как будто мы другие люди, никто с нами не считается!.. Если Вовка убежит из дому, что я маме скажу?!

Я тоже чуть не заплакал, мне стало жалко Райку. Она ушла в комнату, и её долго-долго не было.

Вовка сидел как каменный. Мы с Эдькой боялись до него дотронуться. Потом он сказал:

— Никуда не убеги. Только — со свидетельством семилетки...

Райка вышла из комнаты без городской шляпки и потребовала, чтобы Вовка дал честное слово, что никуда не убежит. И Вовка дал честное слово, добавив, что он не сможет, как она, стать круглым отличником. Ему всё равно по поведению поставят тройку, а потом...

— А потом будет суп с котом, — перебила его Райка, и мы засмеялись, потому что это была Вовкина пословица.

Вовка тоже засмеялся и, взяв со стола ремень, прочитал вслух: «Владивосток, 1-я Речка — ШМО».

— Школа моряков, — подсказала Райка.

Эти слова прозвучали как музыка, мы все сразу почувствовали — какой большой подарок получил Вовка! Он надел ремень на

по одной конфете и за остальные не беспокойтесь — буду выдавать вам за хорошее поведение.

Райка взяла конфету, а я, открыв карандаши, сразу позабыл обо всём. Я хотел убежать с ними, чтобы получше рассмотреть, но Эдька остановил на крыльце. Он сунул мне мою конфету и попросил взглянуть на ка-

шаровары и, хотя бляха обвисала, сразу стал строгим и немного чужим.

— Вот увидите, — сказал Вовка с такой силой, что мы почувствовали, что он говорит не нам, а тем, кто обзывает нас колхозниками. — Всё равно стану капитаном дальнего плавания!

— Вов, а ты за нас заступишься? — спросил Эдька.

— Пусть вначале станет, — опять перебила Райка. — Иди сюда, — позвала Эдьку. — И для тебя есть подарок, мама заказывала.

Она вынула из ридикюля бумажный свёрток, в котором была белая рубашка с маленькими выданными рубчиками и перламутровыми пуговичками.

— Это тебе, как второкласснику. Надевать не дам, при маме померяешь. Повернись спиной.

Эдька послушно повернулся, и лицо его сияло таким радостным удивлением, что смотреть на него было одно удовольствие. Райка приставила к плечам рубашку и, точно как мама, задумчиво сказала: «Хорошо, что на вырост». Она опять завернула рубашку в бумажный свёрток и осторожно, чтобы не помять, положила в ридикюль. Я подумал,

рандаши. Подошёл Вовка. Наполовину открыл коробку, подбил карандаши и сказал:

— Сидят как миленькие — в три ряда по шесть штук.

— Вот этот оранжевый на нашу Райку похож, — сказал Эдька и указал пальцем. — А ты, Вов, какой бы взял?

— Я взял бы себе самый красный, как Знамя Победы.

Эдька бы тоже взял самый красный, но раз Вовка уже взял его, то он возьмёт не такой красный, который рядом. И спросил, какой бы взял я. Вмешался Вовка:

— Все карандаши Валеркины, он может взять любой. А мы с тобой взяли бы, да «бы» мешает.

Вовка закрыл коробку и отдал мне.

— Как вы думаете, у кого из черниговских могут быть ещё такие карандаши? — поинтересовался я, ни к кому не обращаясь. — У кого-нибудь из гарнизонских. А так — ни у кого, — ответил Вовка.

— А у нашего директора школы? — как бы невзначай, просто так, от нечего делать спросил я.

Вовка очень внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал, а Эдька возмутился:

— При чём тут директор школы? Давай лучше починим твои карандаши.

Я не разрешил. А Вовка сказал, чтобы он отстал от меня и запомнил, что карандаши Валеркины, пусть что хочет с ними, то и делает. После этого я сказал Эдьке, чтобы меня не искал, а сам делал свою работу, у меня — гуси.

Я побежал на сеновал и слышал, как он удивился — что он такого сказал?! Но меня уже ничто не интересовало. Я обдумывал план, в котором, как в шахматах, надо смотреть дальше. Я на несколько раз осмотрел карандаши — разноцветные, с золотистыми надписями, ровненькие, красивые, они не могут не понравиться директору школы. Если вчера бочка с водой подтолкнула меня к колодцу, так и карандаши могут подтолкнуть к подвернувшемуся случаю. Надо быть готовым к другой арифметике.

Накануне первого сентября мы с мамой пошли записываться в школу. Нас не записали. После канцелярии мы зашли в кабинет директора, и он сказал, что первоклассников много, по сорок человек в классе. Звонили из

РОНО, чтобы в первую очередь записывали детей военных. В следующем году школа станет десятилетней, а все учителя старших классов — жёны военных. Мы, местные, должны подождать. Тем более мальчику ещё нет семи — пусть погуляет ещё годик.

Мама очень расстроилась, а я запомнил директора и попросил маму в день моего рождения обязательно испечь яблочный пирог. Она удивилась, но я не стал объяснять, что пирог — это узелок на память. Мама забыла о просьбе. Я сам забыл, хотя

ещё вчера хорошо помнил и даже перепрятал карандаши. Положил в подошник, чтобы легче взять. Никто и думать не думал, что в мой день рождения отелится Розка. Но она отелилась, принесла такого маленького глазастого телёночка.

Отец на подводе приехал, и пошло всё на радостях кверху дном. Мама вышла из летней кухни, чтобы выдоить молозиво, а я, как увидел подошник, так аж подпрыгнул — где карандаши?! Они лежали на столе в летней кухне. Я схватил их, сунул под майку и припустил со всех ног на соседнюю улицу, к дому директора школы.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович! — сказал я, когда он подошёл к калитке. — Сегодня мне исполнилось ровно семь лет, и я дарю вам вот это.

Я вытащил из-за пазухи коробку карандашей и подал ему. Он взял их, вначале с одной стороны открыл коробку, потом с другой.

— Новые, цветные, в три ряда по шесть штук — сколько будет?

— Восемнадцать... Таких — больше ни у кого нет, — сказал я. — Может, у кого-нибудь из

гарнизонских... А у черниговских — ни у кого.

— Да, карандаши отличные! Тебе какой из них больше всего нравится?

— Красный, — ответил я. — Потому что наше Знамя Победы красное.

— Достойный ответ — на пятёрку с плюсом, — похвалил директор. А я про себя подумал: как хорошо, что у меня есть старший брат Вовка!

— И что ты за эти карандаши хочешь взамен?

— Я хочу ходить в школу.

— А-а, так ты принёс карандаши, чтобы задобрить меня?!

— Нет, карандаши — это узелок на память, что мне сегодня исполнилось ровно семь лет.

— Во как?! — удивился директор и стал спрашивать, что я знаю, чтобы ходить в школу.

— Знаю все буквы, всю таблицу умножения и могу считать хоть до ста тысяч.

Директор опять удивился и спросил: сколько будет семью восемь? Я ответил, а директор стал возражать — почему я знаю, что пятьдесят шесть? Может быть — пятьдесят семь или пятьдесят восемь? И тогда я сказал, что если взять семь низок, в каждой из которых будет по восемь палочек и пересчитать — один, два, три, четыре... то получится ровно пятьдесят шесть.

Михаил Михайлович улыбнулся, а я подумал об Эдьке — как хорошо, что у меня есть брат, считающий меня большим. И ещё я подумал: эти семью восемь неспроста — это мой подвернувшийся случай! И так поверил в него, что на все вопросы Михаила Михайловича теперь отвечал без запинок.

— Хорошо, — сказал он. — Это ты со своей мамой заходил ко мне в кабинет?

Я кивнул, но Михаил Михайлович не поверил — тот, с матерью, вроде был выше ростом. Тогда я напомнил — вы сказали, чтобы я ещё годик погулял.

— А что, может быть, погуляешь?! — сказал он и подал карандаши.

— Нет, не надо, они ваши! — вскрикнул я в растерянности и отскочил от калитки.

Я подумал, что раз он отдаёт карандаши — меня опять не приняли. Но он сказал:

— Завтра пойдёшь в школу (имеешь право, тебе семь лет), а в школе карандаши тебе пригодятся. И скажи маме, чтобы искупала тебя, ты же весь грязный.

Ничего не говоря, я взял карандаши и со всех ног помчался домой. Эдька сидел на крыльце, и я крикнул, влетев во двор:

— Где Вовка?

— В школе. А что такое?! — почувствовал моё волнение, спросил Эдька.

— Эдик, давай починим карандаши!

— А что такое?! — обеспокоенно повторил Эдька.

— Сегодня, сейчас — меня приняли в школу!..

Виктор СЛИПЕНЧУК,
Крым, пгт Черноморское,
13.07.2016